

Суд земной и небесный: идея возмездия в драматургии У. Шекспира и П. Б. Шелли

Е. А. БАРИНОВА

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Статья посвящена развитию идей Шекспира в драматургии Шелли. Проблема божественного суда была воспринята Шелли через призму шекспировских пьес. Мотивы протеста против жестокого тирана и расплаты за преступления сближают драмы «Ричард III», «Освобожденный Прометей» и «Ченчи».

Ключевые слова: Шекспир, Шелли, драматургия, судьба, возмездие, нравственная идея.

Earth Court and Divine Justice: the Idea of Vengeance in W. Shakespeare's and P. B. Shelley's Dramas

E. A. BARINOVA

(MOSCOW PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY)

The article considers the development of Shakespeare's ideas in Shelley's drama. The problem of the divine justice was perceived by Shelley through the prism of Shakespearean plays. The motives of protest against cruel tyrant and of retribution for crimes give a common ground for the plays «Richard III», «Prometheus Unbound» and «The Cenci».

Keywords: Shakespeare, Shelley, drama, fate, vengeance, moral idea.

В театре Шекспира, по мнению романтиков, было определенное свойство, приближающее его к литературе начала XIX в. Это обращение к христианской идее «божественного суда», которая в произведениях драматурга получила преимущество перед античной идеей рока. Фридрих Шлегель (статья «Об изучении греческой поэзии») был убежден, что в античной драме события объяснялись с точки зрения действия рока, игры неподвластных человеку сил, тогда как в романтической пьесе судьба, остающаяся для героя непознанной, связана с христианскими представлениями об ответе человека перед Богом. Значит, человек обладает известной долей свободы в поступках и в то же время несет ответственность за свои деяния, и судьба героя, таким образом, зависит от его собственных мотивов и действий.

На подобном принципе новых взаимоотношений человека и судьбы построена лирическая драма П. Б. Шелли «Освобожденный Прометей». Вообще тема судьбы

объединяет изучаемых авторов; например, в письме Д. Г. Байрону от 1821 г. Шелли перефразировал слова Гамлета: «...провидение... не дает упасть даже воробью» (Шелли, 1972: 258). В трагедии Шекспира Гамлет перед поединком с Лаэртом предчувствует беду, однако считает веру в приметы глупостью (V, 2). Отважно решаясь на дуэль, герой спорит с судьбой, бросает вызов суеверию и в то же время соглашается с евангельским изречением апостола Матфея о бессмысленности страха перед провидением (Матф. 10: 29, 31).

Следует отметить совпадение глубинного содержания «Освобожденного Прометея» с идеями исторической хроники Шекспира «Ричард III». Из дневников Шелли известно, что в августе 1818 г. писатель с увлечением читал «Ричарда III», а осенью взялся за сочинение драмы о Прометее. Заметим, что особенностью пьесы Шекспира является изображение разнообразных форм протеста против жестокого правителя. Так, народ вы-

* Баринава Елена Альвиановна — аспирант филологического факультета Московского педагогического государственного университета. Тел. +7 (499) 246-57-12. Эл. адрес: percyshelley@yandex.ru

ражает недовольство безмолвием, женщины проклинают тирана за убийство детей, слуги отказываются выполнять его поручения. Подобное отношение проявляют герои к тирании Зевса в лирической драме Шелли. Так, в начале пьесы Земля, выражающая архетипический образ Матери, вспоминает проклятие Прометея, посланное Зевсу — врагу ее детей, и разделяет протест титана. В этой же сцене к Прометею приходит слуга Юпитера — Меркурий и в отличие от персонажа античной драмы признается в несогласии с волей мстительного хозяина и в сочувствии Прометею. Есть смысл вспомнить похожий на беседу Прометея с Гермесом диалог Кларенса с убийцами, подсланными к нему родным братом. Герой, перед смертью вспоминая о своих недостойных делах, говорит наемникам знаменательные слова о божественном суде: «И если бог карать меня захочет, / О, знайте, покарает он открыто. / Не спорьте же с его рукой всесильной» (Шекспир, 1990: 59–60).

Второй убийца, поразмыслив о тяжести греха, раскаивается в задуманном злодеянии и не осмеливается выполнить страшный приказ короля. «Нравственный протест возникает в драме задолго до протеста политического, и Ричмонд, пользуясь всеобщей ненавистью к тирану, объединяет всех на борьбу», — утверждает шекспировед В. П. Комарова (Комарова, 1977: 57). В этом смысле особо значимы ночная молитва Ричмонда перед битвой, когда герой называет себя божьим воином, его речь к солдатам и заключительный монолог. У Шелли тираноборческие идеи получают воплощение в мифологических мотивах: Зевс захватывает власть, проливая кровь, а затем укрепляет положение с помощью пыток; Прометей противостоит Зевсу духовной стойкостью и нежеланием открывать тайну его падения с высот Олимпа.

Здесь возникает главный пласт сравнения двух драм: час свержения тирана неминуем, за все совершенные злодеяния приходит расплата. Демогоргон — имя вершителя казни, назначенного судьбой в «Освобожденном Прометее».

Но не менее предсказуема гибель тирана в хронике Шекспира, где возмездие воспринимается как вмешательство высшей силы — к нему ведут пророчества, проклятия и видения. Отличительным знаком дня, когда должен погибнуть тиран, в этих драмах является одинаковое природное знамение — солнце не желает всходить до рокового часа. Ричард догадывается о силе божественного суда, но всеми средствами (предательство, убийство) пытается бороться с неподвластной ему судьбой:

Я помню, предсказал когда-то Генрих
Шестой, что Ричмонд будет королем...
Но почему пророк тогда же мне
Не предсказал, что я его убью?..

(Шекспир, 1990: 121)

В итоге Ричард погибает «в момент, указанный неумолимой судьбой, чтобы посреди его удач воздать кару за его преступления» (Реизов, 1964: 171). Такова главная идея ранней хроники Шекспира: нельзя обмануть Природу и Время, их победа с исторической точки зрения объективна и закономерна. Королева Маргарита уже в первом действии предсказывает Глостеру и его сообщникам печальную кончину. Исследователями замечено, что «виновники зла у Шекспира всегда погибают. Это требование нравственной справедливости в его трагедиях соблюдается неукоснительно» (Аникст, 1974: 549). В любой пьесе драматурга можно увидеть наказание злодея на земле: его несправедные действия по отношению к другим людям приводят его самого к падению.

В драме Шелли Юпитер также всеми силами пытается, но не может противостоять высшей силе: ему не удастся сломить волю Прометея. Таким образом, идея божественного суда сочетается в текстах Шекспира и Шелли с предсказаниями оракулов, с предначертанной заранее судьбой. Шелли развивает стремление Шекспира совместить в пьесах древнее и новое понимание судьбы. В античности дисгармония между человеческим и божественным миром преодолевалась благодаря ретроспективному взгляду на время.

Тогда люди верили, что необходимость, диктующая человеку судьбу, нарушая его личную свободу, ведет к исполнению великих целей бытия. В драматургии Нового времени никто не управляет поведением человека, но от мыслей и поступков героя зависит его будущее. Прометей Эсхила открывает секрет предстоящего крушения Зевсу, что способствует спасению олимпийского патриарха; в этом мифе заключено стремление древних греков к порядку и покою. Но подобный финал не может устроить художника послеантичной эпохи: Шекспир в драмах всегда наказывает жестоких правителей, а Шелли изменяет развязку мифа с целью представить читателю идеального героя и завершить драму созданием обновленного мира. Значит, Шелли, как и его предшественник, считал, что для благоприятного развития событий политик должен действовать исходя из моральных принципов. Однако в сходной концепции писателей есть и доля различия: по мнению Шекспира, наказание героев не может привести мир к идеальному состоянию (об этом свидетельствует образ «дыбы жизни» в финале «Короля Лира»). Напротив, Шелли в драмах обещает, что на Землю будет возвращен утраченный рай, а в государстве найдутся люди, способные поддержать эти начинания. В примечании к «Освобожденному Прометею» Мери Шелли утверждала: понимание судьбы у автора связано с христианским взглядом, который доказывает изначальное совершенство человека с его последующим непреднамеренным падением (человек способен стать настолько совершенным, чтобы изгнать зло и из собственной природы, и из всего мира в целом).

Среди средств, воплощающих идею высшего суда в драматургии изучаемых писателей, можно отметить мотив «тиранической ночи» — потрясенного состояния природы — и символичность сновидений. В мрачных трагедиях Шекспира («Юлий Цезарь», «Король Лир», «Макбет») воцарение зла в мире сопровождается грозными природными явлениями, отвечающими на разрушение Великой Цепи Бытия: буря, землетрясение, за-

тмение. У Шелли все признаки «тиранической ночи» Шекспира как метафоры божественного суда наблюдаются в драмах «Освобожденный Прометей» (I, 161–179), «Ченчи» (II, 3) и «Эллада» (587–615). В то же время для Шекспира и Шелли сон как некое жизненное явление был не просто фантазией, а намеком, открывающим далекую Истину: сновидение приобретает провиденциальную функцию. Например, Ченчи, перед тем как заснуть «вечным» сном, уверен в безмятежности своего отдыха. Он спорит с совестью, утверждая, что она лжива по природе и не может отнять у бездушного человека здоровый сон. Однако опровержением этих слов становится метафора «тяжести сна» в его речи и реплика Беатриче о том, что «смерть / Представится ему, как сновиденье, / Как продолжение внутреннего ада, / Который в нем один лишь Бог погасит» (Шелли, 1962: 336). В итоге Олимпио и Марцио совершают тяжелое дело возмездия во время сна преступного тирана.

Беатриче, напротив, даже в тюрьме мирно засыпает, и, по словам Бернардо, ее дыхание легко, «как будто день / Прошел в приятных мыслях и делах / И длится в безмятежных сновиденьях» (Шелли, 1962: 361). Просыпаясь, Беатриче признается, что ей приснилась райская жизнь. Таким образом Шелли дает понять, на чьей стороне правда и высший суд: небеса посылают прекрасные сны только безгрешным, духовно чистым людям.

Данная черта драматургии отмечается и у Шекспира: в финале «Ричарда III» представлены подобные контрастные сны. Борец за правду Ричмонд утверждает в обращении к воинам: «Заснете сладко вы, убив тирана» (Шекспир, 1990: 158); и сам полководец перед битвой наблюдает сновидение, предвещающее победу. Напротив, Глостеру являются кошмары, предсказывающие гибель, но он решает бороться до конца. Его речь к солдатам заканчивается сентенцией, похожей на последние слова Ченчи, он связывает понятие сна с мотивом не признаваемой им человеческой совести:

Да не смутят пустые сны наш дух:
 Ведь совесть — слово, созданное трусом,
 Чтoб сильных напугать и остеречь.
 Кулак нам совесть, и закон нам — меч!
 (там же: 160)

Подобно Ченчи, Ричард не верит в силу совести, способной отогнать счастливые сновидения или решить исход битвы. Образы, возникающие в речи Глостера перед битвой, «отражают главное в его мировоззрении — убеждение, что в мире господствует сила» (Комарова, 1989: 54). Однако такое мирозерцание часто опровергается Шекспиром с помощью сновидений: леди Макбет в наказание за помощь в преступлении навсегда лишается сна. И так, поначалу Беатриче в трагедии Шелли верит в справедливость божьего суда; когда ей приходится спланировать убийство тирана, она называет себя небесным мстителем, а Марцио — «мечом в деснице провиденья» (Шелли, 1962: 346). Но после жестокого суда над ее семьей героиня отмечает, что Бог допустил злодейство, а затем отнял «все средства правого возмездья» (там же), кроме того, что судьи называют отцеубийством. Таким образом, взгляды Беатриче на мир меняются от веры в справедливость божьего суда к размышлениям о жалком земном правосудии и о роковой небесной безжалостности к людям.

Итак, позиция Шелли не всегда совпадает с точкой зрения Шекспира. В трагедии романтик подчеркивает равнодушие небес к земным несчастьям, роковую обреченность невинных людей на бессмысленные страда-

ния, невозможность противостояния злу (сходство с античным мировоззрением в отличие от гуманистического взгляда Шекспира). Если «Освобожденный Прометей» — гимн исторической необходимости и предопределенности, подтверждающий высшую справедливость, то драма «Ченчи», созданная в момент личных трагедий автора, не свидетельствует о приверженности этой идее. По мнению английских поэтов, божественная справедливость должна восторжествовать, но в романтическом сознании Шелли в отличие от Шекспира ее приход соотнесен с утопическими мотивами, с построением земногорая, а иногда с надеждой на рай небесный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникст, А. (1974) Шекспир. Ремесло драматурга. М.: Советский писатель.
- Комарова, В. П. (1977) Личность и государство в исторических драмах Шекспира. Л.: Ленинградский университет.
- Комарова, В. П. (1989) Метафоры и аллегории в произведениях Шекспира. Л.: Ленинградский университет.
- Реизов, Б. Г. (1964) Шекспир и эстетика французского романтизма // Шекспир в мировой литературе: Сборник статей. М.; Л.: Художественная литература. С. 157–197.
- Шекспир, В. (1990) Ричард III // Шекспир В. Исторические драмы. Л.: Лениздат.
- Шелли (1962). Ченчи // Шелли. Избранное. М.: Гослитиздат.
- Шелли (1972). Письма. Статьи. Фрагменты. М.: Наука.

Новые книги

Ильинский, И. М. Играющий триумвират: образование, политика, право [Текст] / И. М. Ильинский. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 134 с.